

ГШЕРБОРЕЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ
СТИХОВЪ
И
КРИТИКИ

VI

МАРТЪ

1913

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи.

Вадимъ Гарднеръ. . .	3
Сергѣй Гедройцъ. . . .	6
Н. Гумилевъ.	8
М. Лозинскій . . .	12
Владимиръ Нарбутъ	16
Павель Радимовъ. . .	21
Сергѣй Судейкинъ. .	25
Критика. .	27

1.

О гордецы, когда бы знали вы,
Какъ глупо жить съ поднятой головою!—
Намъ всѣмъ даны и благодать синева,
И благодать надъ благодатью земною.

И благовѣсть не всѣмъ ли намъ звучить,
Звучить, звенить своимъ вселенскимъ звономъ?
Блаженъ, кто въ часъ торжественный молчитъ,
И чьи уста къ земнымъ прижались лонамъ.

Есть все во всѣхъ, и этотъ вихрь всего
Малъ и великъ; величье есть и въ маломъ.
Какъ не найти, не возлюбить Того,
Кто сердце далъ и долгосоннымъ скаламъ?

Что подвиги?—Подвижничество—миръ.
Что умъ?—Червямъ нашъ черепъ—только замокъ.

Ужель мечта лишь въ этомъ царствѣ рамокъ
Справляетъ свой свѣтлопьянщій пиръ?

Нась глубина влечеть со всѣхъ сторонъ.
Внизъ, вверхъ лучи и тянутся и дѣлать.
Но это все—нашъ карликовый сонъ,
И геніи лишь пѣвною шевелятъ...

Ахъ! все—кресты... и въ этомъ нѣтъ бѣды!
Ты—крестница, душа; ты благодарна;
Ты славишь гробъ на разные лады.
Вселенная вовѣки крестозарна...

2.

Черна рѣвка. На небѣ черномъ
Блстають мартовскія свѣчи.
Вмѣщу ли въ ямбѣ непокорномъ
Дѣвичій трепеть вешней рѣчи?

Смотрю, огни вонзились въ воды,
И льды на льдахъ лежатъ пластами.
О, какъ мнѣ любви ледоходы
Съ ихъ сибѣговыми островками.

Дробитесь, трескайтесь и тайте,
Шипите, ладожскія льдины!
А вы, друзья, весну встрѣчайте,
Какъ въ миновавшія години!

Вамъ все, какъ прежде, станетъ мило.
Сродни тревога человѣку.
Облокотившись о перила,
Глядите съ моста внизъ на рѣку!

3.

Ночи лунныя, холодныя,
Ночи звѣздныя настали.
Всѣ любили ночи лунныя,
Всѣ при мѣсяцѣ мечтали.

Отъ деревьевъ тѣни черныя,
Тѣни длинныя легли;
И дорожку тѣни смутныя
Мнѣ въ саду пересѣкли.

Блѣденъ ликъ халифа соннаго...
Блѣденъ звѣздный халифатъ.
Грезить, бредить блѣдность лунная,
Грезить, бредить лунный садъ...

1.

СЛѢДЫ.

Чьи слѣды у подножья разрушенныхъ башенъ,
На снѣгу посинѣвшемъ засыпанныхъ пашенъ,
Подъ окномъ изъ прозрачной слюды
Чьи слѣды?

Чьи слѣды у ограды кладбищъ позабытыхъ,
Средь крестовъ почернѣвшихъ могилъ незары-
тыхъ,
Средь сухихъ репеевъ-череды
Чьи слѣды?

Чьи слѣды—вотъ одинъ неглубокій и ровный,
И опять, и еще, шагъ спокоенъ упорный,
Вѣрныхъ слѣшковъ нѣмые ряды—
Чьи слѣды?

Чьи слѣды, да; я знаю, онъ тонкій и блѣдный,
Онъ двуликий, броней закованный мѣдной,
Вѣстникъ счастья и призракъ бѣды,
Чьи слѣды.

Не минуетъ ни башенъ, ни замковъ, ни поля,
Всѣхъ найдетъ неуклонно спокойная доля,
И ведутъ въ золотые сады
Тѣ слѣды.

2.

Черезъ горы и долины
Мыкаль удалъ, мыкаль силы.
Гдѣ прошелъ—стоятъ могилы,
Гдѣ пѣвалъ—звучать былины.

То не вихрь летитъ въ пустынь,
Утро съ ночью повстрѣчалось.
А гдѣ сердце разгулялось,
Дѣвки плачутъ и понынѣ.

1.

ФЛОРЕНЦИЯ.

О сердце, ты неблагодарно!
Тебѣ—и розовый миндаль,
И горы, вставшія надъ Арно,
И запахъ травъ, и въ блескѣ даль.

Но, тайновидецъ дней минувшихъ,
Твой взоръ мучительно слѣдитъ
Ряды въ бездонномъ потонувшихъ,
Тебѣ завѣщанныхъ обидъ.

Тебѣ нужны слова иныя,
Иная, страшная пора.
...Вотъ грозно встала Синьорія,
И передъ нею два костра.

Одинъ, какъ шкура леопарда,
Разнообразенъ, вѣчно новъ.
Тамъ гибнетъ „Леда“ Леонардо
Средь благовоній и шелковъ.

Другой, зловѣщій и тяжелый,
Какъ подобранный драконъ,
Шипитъ: „вотще Савонаролой
Мой домъ державный потрясенъ.“

Они ликуютъ, эти звѣри,
А между нихъ, потупя взглядъ,
Изгнанникъ блѣдный, Алигьери
Стопой неспѣшной сходить въ Адъ.

2.

ВЕНЕЦІЯ.

Поздно. Гиганты на башнѣ
Гулко ударили—три.
Сердце ночами безстрашнѣй,
Странникъ, молчи и смотри.

Городъ—какъ голось наяды,
Въ призрачно-свѣтломъ быломъ,
Кружевь узорнѣй аркады,
Воды застыли стекломъ.

Вѣрно, скрываютъ колдуній
Завѣсы черныхъ гондолъ.
Тамъ, гдѣ огни на лагунѣ—
Тысячи огненныхъ пчель.

Левъ на колоннѣ, и ярко
Львиныя очи горять,
Держитъ Евангеліе Марка,
Какъ серафимы, крылатъ.

А на высотахъ собора,
Гдѣ отъ мозаики блескъ,
Чу! голубинаго хора
Вздохъ, воркованье и плескъ.

Можетъ быть, это лишь шутка,
Скалъ и воды колдовство,
Марево? Страннику жутко,
Вдругъ—никого, ничего!

Крикнулъ—сго не слыжали—
И, оборвавшись, упалъ
Въ звонкія, блѣдныя дали
Венеціанскихъ зеркаль.

3.

БОЛОНЬЯ.

Нѣтъ воды вкуснѣе, чѣмъ въ Романьѣ,
Нѣтъ прекраснѣй женщинъ, чѣмъ въ Болоньѣ!
Въ звѣздной мглѣ разносятся признанья,
Отъ цвѣтовъ струится благовонье.

Лишь фонарь идущаго вельможи
На мгновенье выхватитъ изъ мрака—
Между кружевъ розоватость кожи,
Черный усъ, что крутитъ забіяка,

И его скорѣи проносятъ мимо,
А любовь глядитъ и торжествуетъ...
О, какъ пахнутъ волосы любимой,
Какъ дрожитъ она, когда цѣлуетъ!

Но вино, чѣмъ слаще, тѣмъ хмѣльнѣе,
Дама, чѣмъ красивѣи, тѣмъ лукавѣи!
Вотъ уже уходятъ ротозѣи
Въ тишинѣ мечтать о высшей славѣ.

И они придутъ, придутъ до свѣта,
Съ мудрой думой о Юстиніанѣ,
Къ темной двери университета,
Вѣкового логовища знаній.

Старый докторъ сгорбленъ въ красной тогѣ,
Онъ законовъ ищетъ въ беззаконьи,
Но порой и онъ волочить ноги
По веселымъ улицамъ Болоньи.

1.

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧЪ.

Усталой памяти, въ сѣдой волнѣ
Глубинѣ прощальныхъ медленно уснувшей,
Ты былъ—какъ вѣсть о снившейся веснѣ,
Зеленый лучъ, измѣнчиво мелькнувшій!

Забытый цвѣтъ, качнувшійся намекъ
Пропѣлъ въ душѣ безгрѣшнымъ перезвономъ.
Я снова жилъ, я снова былъ далекъ,
Я нисходилъ по благодатнымъ склонамъ.

Вся жизнь моя была опять жива,
Какъ мигъ живутъ алмазнымъ раемъ льдины.
И цѣлый день мнѣ грезилась листва,
Мнѣ грезились зеленяя долины.

2.

ВЪ ТУМАНѢ.

Терялись лугъ и небеса
Во влажной мглѣ и убѣленной.
Я слышалъ женщинъ голоса,
Слабѣющіе удаленно.

Все было чувству моему
Так недосказанно-знакомо,
Какъ будто я сейчасъ пойму,
Что было раньше, гдѣ то дома,

Что этой млечностью тепла
Въ мое лицо давно дышало,
Какъ будто память назвала
Свое предвѣчное начало.

И было все со всѣхъ сторонъ
Успокоительно-незвонко,
Какъ слабый и счастливый сонъ
Проплакавшаго ночь ребенка.

3.

ПЧЕЛЫ.

Я сегодня цѣлый день
Слышалъ голосъ пчелъ незримыхъ,
Точно пламенную сѣнь
Кружевъ, зноемъ шевелимыхъ.

Дивный разуму глаголь
Я прочелъ по ихъ извоямъ,
Опьяненный зноемъ пчелъ,
Золотымъ и мудрымъ роемъ...

Много словъ и пѣсенъ есть
Для сердець, лучамъ послушныхъ.
Имъ слышна о дальнемъ вѣсть,
Тишина луговъ воздушныхъ.

4.

ОЗЕРА.

Только закроешь глаза —
Будешь въ знакомой дали.
Бархатомъ ляжетъ гроза,
Гнѣвъ отошедшей земли.

Станетъ такъ вѣще ясна,
Тамъ, за безмолвіемъ горъ,
Нимбовъ зеркальныхъ страна,
Вѣчная область озеръ.

Кто полюбилъ этихъ водъ
Лунно-серебряный шелкъ,
Тотъ для земли не живетъ,
Тотъ, озаренный, умолкъ.

Словно къ большому окну
Свѣтлой онъ тѣнью приникъ.
Слышитъ онъ пѣсню одну
Въ каждый стремящійся мигъ.

Видитъ онъ въ душахъ людей,
Сквозь красоту и позоръ,
Тѣни воздушныхъ полей,
Отсвѣтъ далекихъ озеръ...

5.

Остановивъ коня, я буду говорить
О древнемъ золотѣ, о первобытномъ чудѣ,
И посмѣются мнѣ отвыкшіе любить,
Отъ рода своего отрекшіеся люди.

Мой мечъ тоскующій я вынесу въ просторъ,
И вѣтеръ окружитъ мой шлемъ ширококрылый.
Какъ гулокъ звонъ копытъ на твердомъ сердцѣ
горъ,
На каменномъ кострѣ неуголенной силы!

И уходя въ поля богатой кровью тьмы,
Къ курганамъ полночи, давно забытымъ Богомъ,
На встрѣчномъ пиршествѣ сверкающей зимы
Холодный, вьюжный медъ я выпью полнымъ ро-
гомъ.

Владимиръ Нарбутъ.

1.

СЕАНСЪ.

Я ну Гузику.

Для меня мiръ всегда былъ прозрачнѣй воды.
Шарлатаны—я думалъ—ломаютъ комедию.
Но вчера допотопнаго страха слѣды,
Словно язвы, въ душѣ моей вскрылъ этотъ ме-
диумъ.

Съ пустяковъ началось, а потомъ, какъ пошло,
И пошло—и туда, и сюда—раскомаривать:
Столъ дубовый, какъ горбъ, къ потолку волокло,
Колыхалось надъ окнами желтое марево,

И звонилъ да звонилъ, что былъ запертъ въ
шкапу,
Колокольчикъ литой, ненечайно тронутый.
На омытую холодомъ ровнымъ тропу
Двое юношей выплыли, въ снѣгъ опеленуты.

Обезглавленъ, скользя, каждый голову несъ
Предъ собой на рукахъ, и глаза были зелены,
Будто горсть изумрудовъ—драконовыхъ слезъ —
Переливами млѣла, застрявши въ расщелинахъ.

Провалились и—вдругъ потемнѣло. Но духъ
Нехорошій, тяжелый-тяжелый присунулся.
Даже красный фонарь надъ столомъ—не потухъ!—
Потемнѣль, какъ яйцо, гдѣ дышенокъ наклюнулся.

„Ай, ай, ай,—кто-то гладитъ меня по спинѣ!“
Дама, взвизгнувъ, забилась, какъ птица, въ
истерикѣ.

Померещилось лапы касанье и мнѣ...
Хлынулъ газъ изъ рожковъ и— на яркомъ мы
берегѣ.

„Боже, какъ хорошо!“—мой товарищъ вздохнулъ,
Проводя по лицу трепетавшими пальцами.
А за окнами плавился медленный гулъ:
Можетъ, полночь боролась съ ея постояльцами.

И въ гостиной—дерзнувшій чрезъ душу и плоть
Пропустить, какъ чрезъ кабель, стремленіе
косное
Все не могъ, изможденный, еще побороть
Сотворенное бурей волненіе грозное!

И, конечно, еще проносили они —
Двое юношей, кѣмъ-то въ вѣкахъ обезглавлен-
ныхъ —
Передъ меркнувшимъ взоромъ его простыни
Въ сферахъ, на землю брошенныхъ, тлѣномъ
отравленныхъ.

Подкатилъ къ селу осенній праздникъ
На возку, расписанномъ въ полоску.
Молвитьъ мужу попадаья: „Подрясникъ
Хоть чуть-чуть почистилъ бы отъ воску.

Какъ закапалъ на Илью у кума,
Какъ повѣсилъ на-гвоздь въ гардеробѣ, —
И забылъ про пятна отъ изюма,
А въ изюмѣ, знаешь, полы обѣ“...

„Не ворчи“ — устало огрызнулся,
Въ портсигарѣ шаря папиросу.
Теплымъ, вязкимъ дымомъ затянулся,
Выпустилъ его въ воронки носа.

А потомъ, потрогавъ пальцемъ книжку,
Въ кожаномъ тисненомъ переплетѣ,
Постучавъ въ серебряную крышку,
Что досталась съ чайницей отъ тети, —

Вышелъ, головою въ тактъ кивая,
Напѣвая что-то, изъ столовой.
Скрипъ и — принесла рука рябая:
Рукава раструбами — лиловый.

„Спиртикомъ, а тутъ—на самоварѣ“, —
Отряхнулъ, глаза, какъ кошка, щуря.
„Марфа, самоварчикъ!“ — „Да угарить,
Батюшка, никакъ и вамъ накурить“...

„Матушка, нельзя ли будетъ ваты
Раздобыть у васъ: поскрестъ бы полы“...
И съ улыбкой лъстивою виновато
Наклонился попъ къ женѣ тяжелой.

„Вѣчно, право, Одея, ты безпечень“, —
Вскинувъ очи сѣрыя, сказала
Та, животъ кого былъ изувѣченъ,
И въ зрачкахъ страданіе сіяло.

И стрѣлой нездѣшнею пронзенный,
Убіенный духомъ голубинымъ,
Ясно понялъ попъ, что непреклонный
Лютый призракъ—здѣсь, а не за тыномъ!

Не за садомъ, тихимъ и привѣтнымъ,
Золотомъ окрапаннымъ,—а въ домѣ
Поселилась смерть, дабы съ послѣднимъ
Милымъ вздохомъ—все отдать истомѣ...

И во взоръ попа голубоватый,
Вѣрно, ужасъ заглянулъ уродомъ,
Что супруги, наподобье статуй,
Обмерши, застыли надъ комодомъ.

И когда прислуга притащила
Съ талією низкою и узкой
Грузный звучный самоваръ,—уныло
Пили долго-долго чай вприкуску.

Павель Радимовъ.

ТОКАРЕВСКІЯ ЭЛЕГИИ.

1.

ПЕРЕКРЕСТОКЪ.

Здѣсь перекрестокъ. Часовня стоитъ на зеленой
лужайкѣ.
Вешній Никола-Святой, сторожъ пробѣзжихъ
дорогъ,
Изъ-подъ досчатаго смотритъ князька неослаб-
нымъ дозоромъ.
Странникъ! ему помолись—будеть удача въ пути.

2.

СТОЙЛО.

Тяжекъ полуденный зной, изливаемый небомъ
жестокимъ:
Оводы жалятъ коровъ, вьется столбомъ мошकारа.
Мухи съ зеленымъ брюшкомъ пересошій навозъ
облѣпили.
Медленнымъ взмахомъ хвоста быкъ отгоняетъ
враговъ.
Дремлетъ понурое стадо. Взмѣсили уютную тину
Свиньи, забравшись въ прудъ. Овцы же въ кучу
сошлись.
Спитъ самъ пастухъ, закрываясь отъ жара
овчинною шубой, —
Высунувъ жаркій языкъ, дышитъ собака надъ
нимъ.

3.

СЫРОЙ ВЕЧЕРЪ.

Скученъ въ деревнѣ глухой непривѣтливый
 вечеръ осенній.
 Давеча дождь моросилъ. Пахло моченцемъ съ
 пруда.
 Чей-то ребенокъ кричалъ. Равнодушно, лѣнливо
 сидѣли
 Передъ поповымъ крыльцомъ утки, наѣввшись
 лузги...
 Вотъ и смеркается... Стадо пустили. И въ воз-
 духѣ мозгломъ
 Грустно разносится ревъ. Сельскій священникъ идетъ
 Въ мелочной лавкѣ купить табаку и селедокъ
 на ужинъ.
 Слышно: на барскомъ дворѣ съ цѣпи спускаютъ
 собакъ.

4.

СВИНОЙ ХЛѢВЪ.

Невѣроятную грязь наслѣдили въ углу поросята
 Ибо прохладу и тѣнь зной заставляетъ искать.
 Въ лишкій навозъ, гдѣ вода пузырями зелеными
 смотреть,
 Морды уткнувъ до ушей, мирному сну предались.
 Первый съ льняною щетиной лежитъ, повернув-
 шись къ корыту,
 Пестрому сверстнику въ носъ задомъ уперся
 своимъ.
 Лучъ золотой, проскользнувши въ заборныя
 щели, играетъ
 На розоватомъ боку, сладко дрожащемъ во снѣ.

РЫБОЛОВЫ.

Душно. Облако въ небѣ лѣниво застыло, чуть
 таесть.
 На разрыхленномъ пару ярко блестятъ сошники.
 Нѣтъ ни души на лугахъ. Тяжко тычется шмель
 желтобрюхій,
 Да раздается во ржахъ бойкій кузнечиковъ
 трескъ.
 Самый-ли полдень... Не худо теперь половить въ
 ближней рѣчкѣ
 Сколькихъ налимовъ, бѣльцовъ, съ краснымъ
 перомъ окуней.
 Время—Петровки, а пища лишь лукъ молодой да
 картошка.
 Если же бреднемъ провестъ — будетъ уха на
 обѣдъ.
 Съ этою цѣлью идутъ, рамена отягчивши сѣтями,
 Дьконъ отецъ Никодимъ и Ларивонычъ дьячекъ.
 Вѣтеръ слегка загибаетъ подрысниковъ старыхъ
 воскрылья,
 И холщевые штаны вмигъ надуваетъ трубой.
 Звякая конскимъ ведромъ, поспѣшаетъ за ними
 вприпрыжку
 Племя маслѣдниковъ ихъ,—лоснятся бритые лбы.
 Вотъ она, рѣчка, и омутъ... Подрысникъ связавъ
 рукавами,

Внутри зачихнули бѣлье. Господи, благослови!
Ухнули... Брызги, какъ искры, и будто вода
закипѣла.
Вотъ расправляютъ мотню, быстро грузила
спустивъ,
Тянуть въ спокойный затонъ, напирая рукой на
веревку.
Рыба бѣжить впереди... Ну, заводи, накрывай!
Славный уловъ: тутъ плотицы, налимъ, ершъ
слюнявый,
Брызжетъ хвостомъ черный ракъ, грозно раз-
двинувъ клешню.
Весело дѣти визжать... А отецъ Никодимъ, рас-
корячась,
Тину съ мохнатой груди скоблить шершавой
рукой.

Сергѣй Судейкинъ.

Сильнѣ ненавижу, чѣмъ люблю,
Но въ ненависти нѣжность чую
И въ душу темную, чужую
Смотрю, какъ въ милою свою.

К Р И Т И К А.

О. Мандельштамъ. Камень. Стихи. Изд. „Акмэ“. Спб. 1913. Ц. 50 к.

Счастливы поэты, которымъ съ первой же книжки дано выявлять главныя черты своего художественнаго облика. Имъ не приходится тратить силъ на бесплодные поиски самого себя. Къ ихъ числу принадлежитъ и О. Мандельштамъ. Его книга невелика, но дѣйна и характерна. Обладая личнымъ чувствомъ ритма, образы для своихъ переживаній схватывая остро и своеобразно, поэтъ „Камня“ поистинѣ кладетъ прочный камень въ уголъ создаемаго имъ міра. О. Мандельштамъ особенно хорошо чувствуетъ вѣсомость міра, „прекрасное“ онъ создаетъ „изъ тяжести недоброй“. Арки и своды плѣвняютъ его, и онъ смѣло подходит къ глыбамъ коснаго матеріала.

Сдержанность и скромность, наряду съ непоколебимымъ сознаніемъ своей силы, отличаютъ его, какъ художника. Его строфы наполнены и напряжены, его рѣмы внезапны.

Сборникъ этотъ составленъ слишкомъ скупо, даже для перваго выступленія, и обложка его, по расположенію и пестротѣ шрифтовъ, неудачна.

С. Г.

Игорь Сѣверянинъ. Громокипящій Кубокъ. Поэзы. Предисловіе Ѳедора Сологуба. Изд. Грифъ. Москва 1913. Ц. 1 р.

Поэтическое лицо Игоря Сѣверянина опредѣляется главнымъ образомъ недостатками его поэзіи. Чудовищныя неологизмы и повидимому экзотически обаятельныя для автора иностранныя слова пестрятъ въ его обиходѣ. Не чувствуя законовъ русскаго языка, не слыша, какъ растетъ и прозябаетъ слово, онъ предпочитаетъ словамъ живымъ слова отпавшія отъ языка или не вошедшія въ него. Часто онъ видитъ красоту въ образѣ „галантерейности“. И все таки легкая восторженность и сухая жизнерадостность дѣлаютъ Сѣверянина поэтомъ. Стихъ его отличается сильной мускулатурой кузнечика. Безнадежно перепутавъ всѣ культуры, поэтъ умѣетъ иногда дать очаровательныя формы хаосу, царящему въ его представленіи. Нельзя писать „просто хорошіе“ стихи. Если „я“ Сѣверянина трудно уловимо, это не значитъ, что его нѣтъ. Онъ умѣетъ быть своеобразнымъ лишь въ поверхностныхъ своихъ проявленіяхъ, наше дѣло заключить по нимъ объ его глубинѣ. О. М.

Крученыхъ. Помада. Съ рисунками Ларіонова. Москва. б. о. г. Ц. 30 к.

Литографированныя изданія стиховъ Хлѣбникова и Крученыхъ, украшенныя Гончаровой и Ларіоновымъ, уже привлекли къ себѣ вниманіе. „Помада“ заключаетъ три стихотворенія, „написанныя на собственномъ языкѣ“. На это нельзя смотрѣть иначе, какъ на опыты и упражненія въ инструментовкѣ

словъ. Художникъ възыскательный издавать ихъ въ свѣтъ не сталъ бы. Стихи „Помады“, написанные не на „собственномъ“ языкѣ, очень слабы по композиціи. Вообще въ этихъ изданіяхъ иллюстрируемое гораздо ниже иллюстрацій. „Помада“ издана богато и красиво.

„Жатва“. Кн. IV. Москва. 1913. Ц. 1 р. 80 к.

Сборники „Жатва“ съ самаго начала отличаются вниманіемъ къ стихотворному отдѣлу. Въ кн. IV опубликованы новыя стихотворенія Анны Ахматовой, по композиціи и по чистотѣ удара идущія дальше „Вечера“. Кромѣ того надо отмѣтить циклъ стиховъ Арсенія Альвинга, любовно культивирующаго въ поэзіи изысканные методы Иннокентія Анненскаго. Воплощеніе „муки въ красоту“ характерно для стиховъ Альвинга, стремящихся въ передачѣ тонкостей душевной жизни къ безукоризненной формѣ.

Въ отдѣлѣ критики статья „Замерзающій Парнасъ“, вызываетъ полное недоумѣніе. Критикъ перепуталъ имена сотрудниковъ, въ разное время участвовавшихъ въ „Аполлонѣ“, и не знаетъ, что только съ 1913 года литературный отдѣлъ этого журнала является органомъ опредѣленной группы, а именно акмеистовъ.

С. Г.

Рюрикъ Ивневъ. „Самосожженіе“. Кн. 1. Листъ 1. Москва. 1913. Ц. 50 к.

Подзаголовокъ этой тетрадки — „Откровенія“.

Слова— „пророкъ“, „пламень“, „алтарь“, „тайна“ встрѣчаются чуть ли не въ каждой пьесѣ. Эпиграфы взяты изъ Апокалипсиса. Все это указываетъ не только на притязанія Рюрика Ивнева „жечь сердца людей“, но и на увѣренность его въ законности этихъ притязаній. Не входя въ оцѣнку пророческихъ способностей г. Ивнева, отмѣтимъ, что, какъ произведеніе литературное, его книга отличается полнымъ безвкусіемъ, отсутствіемъ какого бы то ни было содержанія и неграмотностью.

Всеволодъ Курдюмовъ. „Пудренное Сердце“. Стихи. Спб. 1913. Ц. 75 к.

„Пудренное Сердце“—очень плохая книга. Въ ней все плохо: вялый и заикающійся стихъ, банально-модернистскія темы, всегда неумѣло использованныя, словарь сомнительнаго вкуса, стремленіе къ изысканности—тоже очень сомнительной. Подражая Кузмину, Всеволодъ Курдюмовъ не отразилъ въ своихъ стихахъ ни одного изъ достоинствъ Кузминской поэзіи. Языкъ книги приводитъ въ недоумѣніе,—счесть его русскимъ затруднительно. На нашъ взглядъ, стихи Курдюмова, несмотря на стремленіе къ модернизму и даже къ новаторству, равноцѣны Надсоновскимъ, по своей безцвѣтности, вялости, непониманію законовъ стиха и языка. Рѣдкія неплохія строки, попадающіяся здѣсь—мало утѣшительны. „Пудренное сердце“ уже второй сборникъ Всеволода Курдюмова, и, конечно, мы вправѣ требовать отъ него большаго, чѣмъ двухъ трехъ строчекъ, только не оскорбляющихъ вкуса.

Г. И.

ГИПЕРБОРЕЙ

ежемѣсячникъ стиховъ и критики,
выходящій 10 разъ въ годъ
при непосредственномъ участіи
Сергѣя Городецкаго и Н. Гумилева.

Подписная цѣна: на годъ —1 р. 50 к. съ достав-
кой и пересылкой; за границу—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго №—25 к.

За перемѣну адреса—30 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (Книж-
ный складъ М. Аверьянова, Фонтанка, 38). Тлф. 128-55.

Адресъ редакціи: СПБ., В. О., Волховской пер. 2,
кв. 27. Тлф. 577—63.

Приемъ по четвергамъ отъ 1 до 3 час.

Редакторъ-издатель М. Лозинскій.